

Они добрались до холма Тиху и пагоды Бэйсы уже к закату. Лин Фэйян сказал:

— Вэйян, нам пора возвращаться, завтра выйдем снова.

Шэнь Вэйян разве мог согласиться:

— Если вернемся сегодня, позволят ли нам выйти завтра? Наверняка будут следить еще пристальнее.

Лин Фэйян подумал, что в этом есть доля правды, но все же возразил:

— Но ведь мы должны вернуться. Ты целый день бродил, неужели не устал?

Вэйян весь день был в высшей степени возбужден и не выглядел ни капли уставшим:

— Я не устал. Или это ты устал? Фэйян, давай не будем сегодня возвращаться, останемся на ночь в храме Ханьшаньсы, а?

Видя, что Лин Фэйян колеблется, Вэйян добавил:

— Ты в обычное время такой решительный, почему сегодня ведешь себя как кисейная барышня? Всего одна ночь, что может случиться? Мы с таким трудом выбрались, неужели ты не дашь мне повеселиться вволю?

Разве мог Лин Фэйян противостоять столь языкастому Шэнь Вэйяну? В конечном счете он уступил и отправился вместе с ним в Ханьшаньсы.

Впрочем, ему самому нравилось вот так гулять с Шэнь Вэйяном. Глядя на то, как тот воодушевлен, как сияют его прекрасные черты лица, как он полон жизни, словно вернулся в те дни, когда они только познакомились, он не мог не радоваться.

Столько лет он страдал, и сейчас, когда представилась редкая возможность повеселиться, разве мог он иметь сердце испортить ему настроение? Поэтому он легко пошел на уступки, отбросив все тревоги на задний план. Ему было достаточно просто видеть счастливую улыбку Вэйяна.

Храм Ханьшаньсы расположен в десяти ли к западу от города Сучжоу, в поселке Фэнцзяо. Он был основан в годы правления Тяньцзянь династии Лян под названием Монастырь Мяоли Пумин. По преданию, в годы правления Чжэньгуань династии Тан здесь жил отшельник Ханьшань, отчего храм и получил свое название. В начале эры Тайпин Синго династии Сун цзедуши Сунь Чэнью построил здесь семиуровневую пагоду, но к концу династии Юань и храм, и пагода были разрушены. В годы Хуньу династии Мин храм восстановили.

Внутри храма много древностей: каменная стела со стихотворением Чжан Цзи Ночевка у моста Фэнцзяо, каменные изваяния Ханьшаня и Шидэ, обломки стел с каллиграфией Вэнь Чжэнмина и Тан Иня. Если пройти через переулки старого поселка Фэнцзяо или встать на самом мосту,

можно увидеть, как храм Ханьшаньсы с его бирюзовой черепицей и желтыми стенами утопает в зелени деревьев. Внутри монастырского двора растут старые сосны и кипарисы, а извилистые тропинки уводят в тишину.

Шэнь Вэйян и Лин Фэйян, воскурив благовония и поклонившись Будде, погуляли по территории храма, не заметив, как стемнело.

Шэнь Вэйян очень хотел переночевать на лодке, но Лин Фэйян воспротивился, заявив, что у Вэйяна слабое здоровье, а на лодке слишком сыро, и он боится, как бы тот не простудился. Шэнь Вэйян, ничего не поделав, был вынужден согласиться остановиться в гостинице в поселке Фэнцзяо.

Хотя людей в Ханьшаньсы было много, столь примечательных личностей, как эти двое, встретишь редко. Лин Фэйян — суровый и статный, Шэнь Вэйян — изящный и красивый. Когда они вдвоем вошли в гостиницу, на них невольно обернулись все присутствующие.

Сами же они этого не замечали. Заказав две комнаты класса люкс, они сели ужинать. Только сейчас Шэнь Вэйян наконец выказал признаки усталости, и, наспех поев, они отправились отдыхать.

Они даже не подозревали, что кто-то уже затаил на них недоброе.

Это был самый печально известный в цзянху похититель цветов Сюэ Цяньхун. Он происходил из знатной семьи, но, нарушив запрет на похоть, был изгнан из дома. Впрочем, он не особо расстроился, решив стать похитителем цветов, и жил теперь в свое удовольствие.

Сюэ Цяньхун обожал красоту и никогда не делал различий между мужчиной и женщиной. На его счету было несколько громких дел. Будучи человеком неглупым и прекрасно разбираясь в дурманных зельях и ядах, он, несмотря на то что был объявлен в розыск, всегда умудрялся улизнуть и до сих пор оставался на свободе.

Сегодня Сюэ Цяньхун, решив прикинуться ценителем прекрасного, отправился в Ханьшаньсы. Формально — погулять, а на деле — надеялся встретить красавца или красавицу, чтобы развеять тоску. В последнее время достойных людей словно след простыл, он давно не тешил себя.

Проведя в храме полдня, он встретил немало народу, но все как один были лишь посредственностями, и он пришел в полное отчаяние. Только он подумал, что удача отвернулась от него, как во время ужина увидел двух красавцев.

Какое счастье!

Когда Лин Фэйян и Шэнь Вэйян вошли в заведение, глаза Сюэ Цяньхуна тут же загорелись. Ой,

откуда же взялись такие прелестники? У него чуть слюнки не потекли.

Правда, возникла небольшая дилемма: оба красивы, кого же выбрать? Поразмыслив полдня, он решил, что тот, который постройнее, кажется послабее здоровьем. А с тем, что покрепче, можно сначала сразиться в трехстах раундах, а потом перейти к этому нежному созданию, словно к десерту после ужина. Разве не идеально? Сюэ Цяньхун ликовал от своей удачи.

Шэнь Вэйян и Лин Фэйян ничего не заметили и отправились спать. Поскольку Фэйян заботился о здоровье Вэйяна, да и в собственной выдержке был не до конца уверен, большую часть времени они спали в разных комнатах. Сегодня Лин Фэйян дождался, пока Шэнь Вэйян уснет, и только потом вернулся в свою комнату.

Шэнь Вэйян днем был слишком возбужден, и хотя чувствовал усталость, заснуть не мог. Ворочаясь в постели, он наконец сел и решил прогуляться. Только он оделся и спустился с кровати, как увидел, что в окне мелькнула тень, и невольно насторожился.

Шэнь Вэйян был проницателен и сразу понял, что скорость у тени вовсе не человеческая. Неужели кто-то действительно следит за ними из тени? Он не стал зажигать свет и тихо подошел к окну. И точно: угол бумаги был прорван, внутрь была просунута бамбуковая трубка, из которой вился тонкий дымок — тлела благовонная палочка.

Шэнь Вэйян тихо усмехнулся: глупец, кажется, кто-то действительно положил на них глаз. Похоже, этого человека сейчас нет рядом: он ушел, чтобы яд подействовал. Иначе не стал бы использовать такой медленный дурман. Конечно, этот способ самый надежный: человек засыпает, сам того не осознавая. А если использовать сильнодействующий яд, опытный человек из цзянху легко это заподозрит.

Шэнь Вэйян погасил палочку и вытащил ее, но саму трубку трогать не стал — пусть остается как есть. Он начал отсчитывать время. Судя по остатку благовония, злоумышленник появится не раньше чем через полчаса. Вэйян сел за стол и стал пить чай. Ему хотелось провести Фэйяна, но он побоялся, что кто-то может наблюдать из тени, а открыв дверь, он себя выдаст. К тому же Фэйян такой сильный, с ним наверняка все будет в порядке.

И действительно, спустя полчаса кто-то подошел к его окну, остановился и, кажется, проверил трубку. Шэнь Вэйян усмехнулся про себя, встал за дверь, сжимая в руке серебряную иглу. Однако человек так и не вошел, а просто ушел. Шэнь Вэйян был поражен: что же это такое? Он прислушался и услышал, как открывается дверь в комнате Лин Фэйяна.

Неужели его целью был Фэйян? И Фэйян действительно попался?

Шэнь Вэйян заволновался. Его внутренние силы еще не полностью восстановились, и если противник Фэйяна — какой-нибудь мастер боевых искусств высокого класса, он может не справиться. В одно мгновение он пожалел о своем упрямстве: зачем настоял, чтобы они поехали вдвоем? Если с Фэйяном что-то случится...

Но сделанного не воротишь. Шэнь Вэйян прикусил губу, тихо вышел из комнаты и прокрался под окно комнаты Фэйяна. Он уже хотел заглянуть внутрь, как вдруг услышал тихий, насмешливый голос:

— Красавчик...

Шэнь Вэйян оторопел: похититель цветов? Он чуть не рассмеялся в голос. Они столкнулись с похитителем цветов, и... и это Фэйяна... пойман... Представив лицо Фэйяна, он не смог сдержать улыбки. С трудом, но справился.

Раз это похититель цветов, бояться нечего: среди них нет мастеров высокого уровня, все они сильны лишь в использовании ядов. Вэйян владел искусством метания игл в совершенстве, не хватало лишь внутренней силы. Он тихо проделал дырку в бумаге и метнул иглу в того, кто беззащитно склонился над кроватью. Сюэ Цяньхун тут же получил укол и рухнул.

Шэнь Вэйян вошел в комнату. Отодвинув Сюэ Цяньхуна, он увидел, что Лин Фэйян лежит на кровати, глядя на него широко открытыми глазами, но не двигается. Хм, это не усыпляющее зелье, а порошок для расслабления мышц?

Шэнь Вэйян спросил:

— Фэйян, можешь говорить?

Лин Фэйян молчал. Шэнь Вэйян склонился и проверил пульс, успокоившись. Затем он нажал на точки злоумышленнику и вытащил иглу. Сюэ Цяньхун тут же очнулся. Поняв, что попал в руки к красавцу, он вздохнул: сегодня и вправду не повезло, угораздило попасться в лапы к прелестнику, добра не жди.

Шэнь Вэйян спросил:

— Что это за яд?

Сюэ Цяньхун ответил:

— Убивай или режь, как хочешь, от меня ты ничего не узнаешь.

Шэнь Вэйян удивился: фраза сама по себе верная, но из уст Сюэ Цяньхуна звучит как-то странно. Поэтому он сказал:

— С чего бы мне тебя убивать? Если я убью такую красавицу, не будет ли это большой потерей?
— при этом он мимоходом пощипал его за щеку.

Сюэ Цяньхун чуть не взбесился: кто когда видел, чтобы похитителя цветов помогали? Он и представить не мог, что сам когда-нибудь окажется в такой ситуации. Лин Фэйян, лежа на кровати, хотя и не мог двигаться или говорить, все видел и слышал — его чуть не хватил удар от ярости.

Шэнь Вэйян усмехнулся:

— Красавица, поскорее скажи мне, что с ним. Как только ты дашь антидот, я тебя отпущу, иначе не рискну.

Сюэ Цяньхун сдался:

— Это лекарство просто лишает сил, через три часа действие само пройдет.

Шэнь Вэйян кивнул:

— Значит, придется тебе потерпеть три часа? — сказав это, он усадил его на стул и заботливо добавил: — Если что-то нужно, скажи мне.

Он вел себя в точности как радушный хозяин, принимающий гостя. Сюэ Цяньхун лишь смотрел на него, лишившись дара речи.

Шэнь Вэйян подошел к Лин Фэйяну. Его одежда была распахнута, открывая грудь, он лежал неподвижно, выглядя крайне беспомощным. У Шэнь Вэйяна внутри что-то дрогнуло. Поразмыслив мгновение, он подхватил Сюэ Цяньхуна, потащил его в свою комнату и усадил на стул:

— Прости, побудь здесь немного.

И снова ушел. Сюэ Цяньхун ничего не понимал, но вскоре увидел, что тот вернулся в комнату Лин Фэйяна.

Лин Фэйян видел странное поведение Шэнь Вэйяна, да и эта улыбка... почему-то от нее мороз пробирал по коже. Он мучился от того, что не мог вымолвить ни слова, и лишь смотрел, как тот с этой странной улыбкой шаг за шагом приближается.

Шэнь Вэйян сел рядом, склонился над ним, улыбка становилась все шире, глаза сияли. Если бы это было в другое время, Лин Фэйян, конечно, был бы рад, но сейчас... Ему было по-настоящему страшно.

Шэнь Вэйян протянул руку и мягко погладил его по щеке:

— Красавчик...

Интонация была точь-в-точь как у Сюэ Цяньхуна, и у Лин Фэйяна по коже побежали мурашки. Ему показалось, что улыбка Шэнь Вэйяна — это улыбка демона.

Однако Шэнь Вэйян вошел во вкус. То, что такой властный Лин Фэйян сейчас лежит здесь настолько беззащитный, отдавшись ему на милость, приводило его в неописуемый восторг. Такой случай выпадает раз в тысячу лет, как можно его упустить? Он распахнул его одежду

еще шире, поцеловал в лицо и принялся ласково гладить по груди.

Хотя ощущения были странными, но прикосновения, легкие, как перышко, и теплые, как весенний ветерок, заставляли Лин Фэйяна пьянеть. К тому же рука Вэйяна была такой мягкой и нежной — редкое удовольствие. Лин Фэйян приподнялся и заключил его в объятия.

Шэнь Вэйян прильнул к нему, чувствуя ни с чем не сравнимое удовлетворение. Его выражение лица напоминало сытого, ленивого кота. Лин Фэйян был готов носить его на руках. Ради Вэйяна он был готов на все, лишь бы тот был счастлив. Он слишком много задолжал Вэйяну, возможно, не расплатиться и за всю жизнь. Но ничего, Лин Фэйян улыбнулся: если не получится в этой жизни, будет следующая!

Шэнь Вэйян, не замечая бури чувств в сердце Лин Фэйяна, блаженно прижался к нему, думая: сегодня я отлично погулял, так своевольно с ним забавлялся, а он под конец так нежно со мной обращался — просто радость. Фэйян теперь стал еще лучше, даже нежнее и внимательнее, чем когда мы только познакомились. Его решимость, и без того твердая, стала еще непоколебимее.

Разве можно расстаться с ним в этой жизни? И в следующей не отпущу.

Вечернее солнце косо освещало пустынный тракт. Наступила ранняя осень, и на придорожных деревьях уже проглядывали пожелтевшие листья. Порыв ветра поднял с дороги пыль, и в лучах заходящего солнца она закружилась желтой завесой.

Несмотря на пустынность, на тракте то и дело появлялись повозки и всадники, спешившие по делам. Солнце уже почти скрылось за горами, его золотой диск утратил полуденный зной и висел в небе ленивым красно-золотым шаром. Путники, вытирая пот со лба, спешили домой, мечтая лишь о том, чтобы поскорее смыть с себя дорожную пыль, выпить горячего супа и уснуть в объятиях жены и детей.

В конце тракта, в клубах желтой пыли, показались два темных силуэта. Любопытные прохожие провожали их взглядами, недоумевая. В отличие от спешащих путников, на высокой, сильной лошади масти «зеленая грива» ехали двое, неспешно приближаясь. Следом за ними, без всадника, шла высокая белая лошадь.

Было видно, что у них есть две прекрасные лошади, стоящие целое состояние, так почему же они едут вдвоем на одной? Люди недоуменно качали головами. Но всадникам было все равно: они переговаривались, склонившись друг к другу, и время от времени их тихий смех доносился до ушей прохожих.

Цокот копыт звучал четко, когда они въехали в поселок Сяньхэ.

Сгущались сумерки, на улицах поселка зажглись фонари. В самом большом ресторане было занято уже семь-восемь столиков. Расторопный половой зазывал прохожих. Торговцы, путешественники и мастеровые сидели группками: одни пили вино, другие громко беседовали, третьи молчали, и весь зал был наполнен ароматом еды и крепкого вина.

— Два гостя! Прощу, входите! — громко объявил половой у входа. — Две прекрасные лошади, задайте им лучший корм!

Обычно никто не обращал внимания на входящих, но в этот раз словно по мановению ока все замерли, дружно подняв головы и уставившись на вошедших.

Темные плащи полностью укрывали их фигуры, а капюшоны скрывали лица. И хотя внешности было не разобрать, одно лишь их присутствие внушало трепет, словно в этом мире существовали только они двое.

— Почтенные гости, вы, должно быть, устали с дороги? Что пожелаете отведать? — почувствовав необычность гостей, хозяин ресторана, пожилой человек, сам вышел из-за стойки.

— Найдите чистый столик, принесите лучшее вино и закуски. Мы устали, поторапливайтесь, — произнес высокий гость в черном. Его густой и ясный голос заставил присутствующих вздрогнуть.

— Да, да! — хозяин проводил их к пустому столу и жестом подозвал помощника.

— Садись, — они обменялись взглядами и сбросили плащи, стряхнув пыль на соседний стул.

— Ах... — почти одновременно выдохнули все посетители ресторана. Некоторые даже протерли глаза, не в силах оторвать взгляд.

Под черными плащами оказались одежды из небесно-голубого шелка, переливающегося в свете свечей. У высокого гостя на одежде золотыми и серебряными нитями были вышиты облака, у того, что пониже — изящная бамбуковая роспись. Хотя на них не было заметно украшений, сама одежда говорила о том, что это не простые люди.

Они не принесли с собой сумок, только положили на стол личные мечи. Высокий гость усадил спутника рядом. Хотя ресторан был самым заурядным, они держались так, будто сидели в императорском дворце. Их врожденное благородство и величие вызывали зависть у каждого. Трудно было поверить, что такие красавцы могли оказаться в глухой провинции. Простые люди замерли в благоговении, чувствуя себя рядом с ними почти как перед богами.

Привыкнув к таким взглядам, гость пониже взял палочки и, достав из-за пазухи шелковый платок, начал их тщательно протирать. Высокий гость, явно раздраженный, нахмурился,

оглядываясь.

— Суй, не делай такое страшное лицо, — гость пониже протянул ему палочки, и на его розовых губах заиграла улыбка. Тут и там послышался звон — у многих посетителей от изумления палочки выпали из рук. — Это не столица.

— Я знаю, — глядя на улыбку спутника, взгляд высокого гостя заметно смягчился. — Просто немного утомился. То, что раньше казалось обыденным, сегодня почему-то раздражает. Лю Иин, ты не устал? — при этом его рука, принимавшая палочки, легла на руку спутника, слегка поглаживая ее.

Такая близость заставила всех присутствующих затаить дыхание. Но вскоре они успокоились: пусть оба в мужской одежде, но с такой внешностью, возможно, это супруги, решившие путешествовать инкогнито. Выглядели они не старыми, но и не юными, а их взгляды друг на друга говорили о глубокой любви. В их глазах отражалась такая бездна чувств, что некоторые невольно стали бросать взгляды на грудь того, кого называли Лю Иин. Эх, жаль, такая божественная красота, а оказалась «плоской принцессой».

Заметив наглые взгляды, Ли Чаосуй пришел в ярость. Он бросил взгляд на хозяина, стоявшего неподалеку, и ударил по столу:

— Ты насмотрелся? Живо неси вино и закуски!

Будто ударенный громом, хозяин пришел в себя, стыдясь своей рассеянности:

— Да-да, сейчас, сейчас, — и вытирая пот, поспешил на кухню.

— Пойдите! — Лю Иин остановил его и мягко проговорил: — Будьте добры, приготовьте нам чистую комнату, мы остановимся здесь на ночь.

Мягкий голос, словно горный ручей, пролился в сердце каждого: сладкий, нежный, и почти никто не заметил в нем легкого, необычного иностранного акцента. Глядя в глаза Лю Иина, хозяин вдруг почувствовал себя так, словно помолодел на тридцать лет:

— Гость, не беспокойтесь, я предоставлю вам лучшую комнату в нашем заведении!

Хорошо отдохнуть, а завтра — путь к горе Луоцзя! Лю Иин и Ли Чаосуй переглянулись и с улыбкой кивнули друг другу.

— Ты уверен, что нам не нужен проводник?